

ТАЙНА
КАРЛОСА
КАСТАНЕДЫ

АЛЕКСЕЙ КСЕНДЗЮК

ТАЙНА
КАРЛОСА
КАСТАНЕДЫ

Безупречность и Сновидение

«СОФИЯ» 2 0 1 4

УДК 291.612
ББК 86.391
К86

Ксендзюк, Алексей Петрович

К86 Тайна Карлоса Кастанеды: Безупречность и сновидение. Часть II. 4-е издание, исправленное и дополненное автором. – М.: ООО Книжное издательство «София», 2014. – 288 с.

ISBN 978–5–906749–26–0

Эта книга является второй частью известной работы А. П. Ксендзюка «Тайна Карлоса Кастанеды». Она посвящена анализу и описанию психологических и психотехнических методов изменения сознания в нагуализме. Подробно рассматривается безупречность как особое психоэнергетическое и психоэмоциональное состояние, включающее в себя трансформацию страха смерти, чувства собственной важности и жалости к себе. Отдельный раздел книги посвящен двум основным дисциплинам этого пути Трансформации – сновидению и stalking – как методам исследования измененных состояний сознания, которые способны привести практика к качественно иному режиму восприятия, названному в книгах Кастанеды видением. В книге представлено описание мира в состоянии сновидения (миры сновидения) и в состоянии видения (вселенная Орла). Книга рассчитана на всех, кто интересуется духовным развитием и самосовершенствованием человека, его психоэнергетической трансформацией.

УДК 291.612
ББК 86.391

ISBN 978–5–906749–26–0

© А. П. Ксендзюк, 2014.
Все права защищены.
© ООО Книжное издательство
«София», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. БЕЗУПРЕЧНОСТЬ	6
1. Путь воина	6
2. Фундамент безупречности: три победы воина .	19
а) Страх смерти	19
б) Чувство собственной важности	30
в) Жалость к себе	40
3. Беспристрастие	48
4. Переход в безличное	63
Глава 2. СНОВИДЕНИЕ И СТАЛКИНГ.....	74
1. Внимание сновидения	74
2. «Смертельная игра»	93
3. Контролируемая глупость.....	108
4. Сталкинг сталкеров.....	122
Глава 3. ВСЕЛЕННАЯ ОРЛА	135
1. Видение Орла	135
2. Эманации Орла	157
3. Намерение	174
Глава 4. МИРЫ СНОВИДЕНИЯ	192
1. Тело сновидения	192
2. Врата сновидения	209
3. «Союзники»	228
Глава 5. НЕПОСТИЖИМОЕ. СВОБОДА	251
Об авторе	287

Глава 1. БЕЗУПРЕЧНОСТЬ

Настоящие люди древности не знали, что такое радоваться жизни и отворачиваться от смерти, не гордились появлением на свет и не противились уходу из мира. Отрепенно они приходили, отрешенные уходили, не доискиваясь до начала, не устремляясь мыслью к концу, радуясь тому, что даровано им, и самозабвенно возвращаясь к своему естеству. Разум таких людей погружен в забытьё, облик бесстрастен, чело величественно. Прохладные, как осень, и теплые, как весна, они следовали в своих чувствах течению времен года. Они пребывали в безграничной гармонии с миром, и неведомо, где положен им предел...

Чжуан-цзы

1. Путь воина

Дон Хуан утверждает: чтобы на практике реализовать высшие достижения магического искусства, т. е. преодолеть ограничения тоналя и прийти к непосредственному контакту с энергетическими полями Реальности, не разрушив при этом ни тела своего, ни разума, необходимо следовать *пути воина*, что означает, в первую очередь, быть *безупречным*.

Безупречность – особая тема кастанедовских книг, и, по-видимому, одна из наиболее объемных. Внимательный читатель легко обнаружит, что большую часть проблем, возникающих у Карлоса в процессе обучения сдвигу точки сборки и любым другим магическим техникам, дон Хуан рекомендует разрешать при помощи безупречности. Фактически, это постоянная оговорка учителя. «Безупречный воин может делать то–то и то–то», – обычно так заявляет дон Хуан. «Благодаря своей безупречности воин достигает того–то», – говорит он, и никакие другие условия, обходные пути или компромиссы учителя не устраивают. В данной традиции отсутствие *безупречности* у мага для него равносильно смерти. Энергетика человека, ведущего обычный образ жизни, не выдерживает соприкосновений с нагуалем, «кокон» разрушается

либо так меняет свою форму, что личность становится недееспособной – в итоге, безумной. Здесь не до морали – таковы энергетические законы Бытия, не имеющие ничего общего с нравственными проблемами человечества. Опасно и неразумно пытаться обойти этот пункт дон-хуановского учения, надеясь чудесным образом добраться до его высот и миновать кардинальную перестройку психических процессов, которую подразумевает это исключительно важное слово – безупречность.

Это принципиальный этап в развитии человеческой психологии и особое состояние духа. Это трансформация практически всех жизненных установок личности, влекущая за собой явление нового существа, мало в чем подобного человеку в его нынешнем, ординарном состоянии. Концепция безупречности содержит столько коренных, фундаментальных приемов по изменению психики, а эффективность ее и воздействие на индивидуума столь значительны, что вполне можно утверждать: безупречность заслуживает того, чтобы следовать ей безо всяких «потусторонних», магических или сверхъестественных целей.

Безупречность сама по себе достойна того, чтобы ею жить. Более того, практикуемая исключительно *ради высоких плодов дон-хуановской магии*, она перестает быть безупречностью и превращается в обычную разновидность аскетизма, тренировку воли для демонстрации своего характера ближним, не более того. Уже здесь, в самом начале главы, я хотел бы подчеркнуть особенную деталь, на которую не всегда обращают внимание читатели Кастанеды. Каждый отряд магов, не исключая и отряда дона Хуана, перед тем, как достичь высшего акта трансформации – *третьего внимания*, – вынужден был пройти через период своеобразного отречения от цели. Все они знали момент крайнего отчаяния и безнадежности, все какое-то время искренне верили, что им не суждено добраться до вершины, и все выбирали единственный выход: жить безупречно ради самой безупречности. Собственно говоря, только в этот момент и достигается абсолютная (а не относительная) безупречность, необходимая для наивысшего взлета.

Психология, как всегда, парадоксальна: лишь отказавшись от цели, получаешь возможность ее достижения. Поэтому мы будем рассматривать безупречность, в основном, саму

по себе, как бы оторвавшись от полетов в Непостижимое и прочих сложностей нагуаля. И тогда мы поймем, что имеем дело с подлинным «искусством жизни» во всех ее аспектах и проявлениях. А так как жизнь сложна и многообразна, то говорить о безупречности – очень трудная задача. Слишком часто приходится обращаться к метафорам и аллегориям. Выразительный намек дал дон Хуан Кастанеде после того, как тот чуть не попал под сорвавшийся кусок скалы во время их прогулки в горах.

«Он сказал, что сила, которая правит нашими судьбами, находится вне нас и не обращает внимания на наши действия или волеизъявления. Иногда эта сила заставляет нас на нашем пути склониться, чтобы завязать шнурки на ботинках, как это только что сделал я. И, заставляя нас остановиться, эта сила заставляет нас добраться до точно определенного момента. Если бы мы продолжали идти, этот огромный валун явно раздавил бы нас насмерть. Однако в некоторый день, в другом ущелье, та же самая руководящая сила заставит нас склониться и завязать шнурки, в то время как другая глыба сорвется в точности над тем местом, где мы будем стоять. Заставив нас остановиться, эта сила заставит нас упустить точно определенный момент. На этот раз, если бы мы продолжали идти, то спаслись бы. Дон Хуан сказал, что, поскольку у меня полностью отсутствует контроль над силами, которые решают мою судьбу, моя единственная свобода в этом ущелье состоит в *безупречном* завязывании своих ботинок» (V).

Именно в этом пассаже исключительно ярко выражено извечное отношение между ограниченным человеком и непостижимой Реальностью, – отношение, наполненное особым трепетом и неопределенностью, сплошной и никогда не разрешимой таинственностью самого процесса существования. Где-то здесь обнаруживается сокровенная суть всякого мистицизма как особенного и нерасчлененного сплава смирения и дерзости перед безличной мощью нагуаля.

В этой загадке отношения человека к бесконечно превосходящей его силе и заключен, должно быть, исток эмоционального состояния, лежащего за гранью страха или надежды, за гранью любой человеческой привязанности, – исток безупречности как таковой. Выражаясь условно, мы все «прижаты к стене» и уже не можем позволить себе даже испугаться, по-

сколько Реальность не знает такого чувства, не может испытывать симпатий и раздавит нас, стоит совершить одно неверное движение. В мире тоналя она тоже мстит за ошибки не так очевидно, но в конце концов так же сокрушительно.

И все наши судьбы (не воинов, а обычных людей) – сплошная вязь, состоящая из удач и поражений, из движений вслепую, на ощупь, рискованная игра в судьбу, где интуиция заменяет безупречность, иногда совпадая с ней (и тогда мы на коне), иногда – противореча ей (и тогда мы несчастны). Следуя безупречности, мы всегда «то, что есть», и все, что происходит с нами, истина нашего пути, а не слепая игра случая. «Безупречно» завязывая шнурки, мы не попадем под горный обвал или, что куда прозаичнее, под трамвай. Почему? Никто не знает, никто не объяснит.

В этом – самое впечатляющее проявление мистики повседневного, демонстрация того, что жизнь насквозь пронизана непостижимым и является великой тайной отношения «человек – мир». Невозможно умствовать на этот счет, невозможно строить гипотезы и делать теоретические выкладки: оно случается *неизвестно как*.

Вы можете только попробовать и убедиться на собственном опыте. Тем более что в самой работе над безупречностью нет абсолютно ничего мистического.

Безупречность полностью и целиком принадлежит тоналю. Это тональное действие, контролируемое разумом, рациональностью, здравым смыслом.

Вспомните, с чего начинается безупречность:

«...Дон Хуан указал на кажущееся противоречие, заключенное в идее изменения. С одной стороны, мир магов призывал к полной трансформации, с другой – объяснение магов говорит, что остров тоналя является цельным и ни один из его элементов не может быть перемещен. В таком случае изменение не означает уничтожения чего бы то ни было, а скорее замещение значения, которое мы придаем этим элементам.

– Жалость к самому себе, например, – сказал он. – Нет никакого способа избавиться от нее, освободиться от нее с пользой. Она имеет определенное место и определенный характер на твоём острове, определенный фасад, который видно издали. Поэтому каждый раз, когда предоставляется случай, жалость к

самому себе становится активной. У нее есть история. Если ты сменишь фасад жалости к самому себе, то ты уберешь и ее выдающееся положение.

Я попросил его объяснить значение этих метафор, особенно идею смены фасадов. Я понял это как возможность играть несколько ролей одновременно.

– Фасады изменяешь, изменяя использование элементов острова, – сказал он. – Возьмем опять жалость к себе. Она была полезной для тебя, потому что ты чувствовал свою важность и считал, что ты заслуживаешь лучших условий, лучшего обращения. Она, может быть, еще и потому имела значение, что ты не хотел принимать ответственность за поступки, которые побуждали тебя жалеть самого себя, или потому, что ты не был способен принять идею своей нависшей смерти как свидетеля твоих поступков и советчика. Стирание личной истории и три сопутствующие ей техники являются средствами магов для изменения фасадов элементов острова. Например, стиранием личной истории ты отрицал использование жалости к самому себе. Для того чтобы жалость к себе сработала, тебе необходимо быть важным, безответственным и бессмертным. Когда эти чувства каким-либо образом изменены, ты уже не можешь жалеть самого себя.

То же справедливо и в отношении всех других элементов, которые ты изменил на своем острове. Без использования этих четырех техник ты бы никогда не добился успеха в перемене их. Смена фасадов означает только то, что ты отводишь второстепенное место первоначально важным элементам. Твоя жалость к себе все еще предмет на твоём острове. Она будет там, на заднем плане, точно так же как идеи нависшей смерти, или смиренности, или твоей ответственности за свои поступки уже находились там раньше без всякого использования» (IV).

Итак, прежде всего важно понять, что подлинная трансформация психики заключается в перестановке ее элементов согласно тому порядку, которому мы *намеренно* хотим следовать. Решение о такой перестановке принимает разум и начинает работу с собой и другими частями тоналя, не прибегая ни к каким «внешним» средствам. Все совершается на острове тоналя. Нагуаль со своей магией придет гораздо позже. И здесь возникает сильное искушение: обращаться со своим внутрен-

ним миром теми же способами, что и с внешним, т. е. подавлять, подчинять, сражаться, завоевывать позиции и т. д. Дон Хуан предостерегает против этой очень серьезной ошибки:

«Он указал вокруг меня быстрым движением руки, а затем коснулся моей записной книжки.

– Это твой мир, и ты не можешь этого отрицать. Бесплезно сердиться или разочаровываться в самом себе. Все, что в данном случае происходит, – это то, что твой тональ ушел в свою внутреннюю битву. Битва внутри собственного тоналя – это одно из самых нежелательных состояний, какие только можно представить. Безупречная жизнь воина предназначается для того, чтобы закончить эту битву. Для начала я обучил тебя, как избегать опустошенности и измотанности. Теперь в тебе больше нет войны. Нет в том смысле, в каком она была, потому что путь воина – это сначала гармония между действиями и решениями, а затем гармония между тоналем и нагуалем.

В течение всего времени, что я тебя знаю, я говорил, обращаясь как к твоему тоналю, так и к твоему нагуалу. Именно таким способом должны даваться инструкции.

Сначала следует разговаривать с тоналем, потому что именно тональ должен уступить контроль. Но он должен сделать это с радостью. Например, твой тональ без особой борьбы уступил часть своего контроля, потому что ему стало ясно, что в противном случае твоя целостность была бы разрушена.

Иными словами, тональ должен отказаться от таких ненужных вещей, как чувство собственной важности и потакание себе, которые лишь погружают его в скуку. Но проблема в том, что тональ цепляется за все это, хотя он должен был бы радостно избавиться от подобной мути. Необходимо сначала убедить тональ стать свободным и текучим. Прежде всего магу необходим сильный, свободный тональ» (IV).

Внутренняя битва – это враг безупречности, состояние, ни в коем случае несовместимое с безупречностью.

Тибетский мистик Чогьям Трунгпа издал в 1984 г. замечательную книгу «Шамбала: священный путь воина». Разумеется, тибетская традиция сильно отличается от донхуановской, в первую очередь, тем, что ставит перед собой иные цели, иначе описывает психологический механизм и

технику трансформации (в частности, автор, как и другие ориенталисты, проповедует медитативную технику «свидетель», уже рассмотренную нами выше), так что совпадения в словах не должны вводить читателя в заблуждение. И все же некоторые подходы и приемы оказываются близкими, в чем легко убедится всякий, кто возьмет на себя труд прочесть эту действительно полезную книгу. Например, Чогьям Трунгпа, как и дон Хуан, подчеркивает пагубность «внутренних битв» любого рода: «С точки зрения Шамбалы, когда мы говорим, что люди обладают глубинным добром, мы имеем в виду то обстоятельство, что они обладают всеми необходимыми им качествами, так что не следует бороться против своего мира».

Подозревая в себе непоследовательность и огромное количество недостатков, мы часто побаиваемся самих себя, так как знаем лишь один способ самоулучшения – внутреннюю войну, войну с самим собой. А воевать не хочется. Тибетский автор справедливо спрашивает: «Как часто вы желали посмотреть на свое лицо в зеркале, не испытывая при этом замешательства? Сколько раз вам приходилось скрываться от самих себя при помощи чтения газет, телевизора или прогулок?» Но если мы знаем, что воевать с собой не придется, ничто не мешает пристально разглядеть собственную природу и спокойно разобраться, что и на каком месте в ней должно находиться. Подобную процедуру дон Хуан называет «стратегической инвентаризацией».

«Безупречность есть не более чем адекватное использование энергии, – сказал он. – И все, что я говорю, к вопросам морали и нравственности не имеет ни малейшего отношения. Я обладаю энергией, и это делает меня неуязвимым. Чтобы понять, тебе необходимо самому накопить достаточное количество энергии.

<...> Воин проводит стратегическую инвентаризацию. Он составляет список всего, что делает. А затем решает, какие пункты этого перечня можно изменить, чтобы дать себе передышку в расходовании энергии.

Я возразил, что в такой перечень должно входить все, что только есть под солнцем. Дон Хуан терпеливо пояснил, что стратегической инвентаризации, о которой идет речь, подвергаются

только те поведенческие структуры, которые не являются существенными с точки зрения выживания и благополучия» (VII).

Конечно, на первых порах нелегко понять, о чем именно идет речь и как подобную «инвентаризацию» производить. К счастью, большую часть этой работы проделали до нас, и достаточно квалифицированно. По сути, речь идет об определенных стереотипах реагирования на окружающий мир, – стереотипах, неоправданно энергоемких и мотивирующих поведение, с точки зрения воина безрассудное и бессмысленное. Даже обычный человек порою ощущает нелепость своих реакций и поступков, особенно если легко поддастся настроению минуты или врожденной импульсивности собственного темперамента. В таких случаях мы часто раскаиваемся, но нашего здравомыслия хватает ненадолго, и вскоре все повторяется с обидным однообразием.

Кроме того, в нашей психике существует масса нелепых и ненужных стереотипов, о наличии которых мы и не догадываемся. Однако именно эти стереотипы, будучи неосознанными, каждодневно выкачивают из нас силы, делая жизнь такой утомительной и болезненной. Можно сказать, что тональ обычного человека всегда несовершенен, в той или иной степени уродлив и проявляет свое уродство в самом обычном, повседневном мире. Парадоксальным образом он направлен в основном на саморазрушение, хотя его первейшая забота – выживание индивида.

В четвертой книге («Сказки о силе», гл. 3, «День тоналя») Кастанеда убедительно повествует о том, как дон Хуан демонстрировал ему различные гримасы человеческого тоналя. Там же учитель объясняет Карлосу, что такое правильный тональ, который, к сожалению, встречается у людей довольно редко. Дон Хуан говорит:

«...у каждого тоналя есть две стороны. Одна – внешняя сторона, бахрома, поверхность острова. Эта часть связана с действием и деятельностью – беспорядочная сторона. Другая часть – это решения и суждения, внутренний тональ – более мягкий, более нежный, более сложный.

Правильный тональ – это такой тональ, где оба уровня находятся в гармонии и равновесии» (IV).

Это еще не тональ воина, который является воплощением безупречности во всех аспектах своего функционирования, но тот тип, который легче всего поддается внутренней работе и расположен к необходимому самосовершенствованию. Организация и оформление правильного тоналя – это фундамент для достижения безупречности воина.

Нельзя не сказать, что понятие безупречности, несмотря на то что ему уделяется много внимания в книгах Кастанеды, все же зачастую остается несколько расплывчатым. Охватывая сразу столько аспектов жизнедеятельности, безупречность не открывает свою подлинную суть поверхностному взгляду. Чтобы более четко определить характер этого особенного состояния, нам проще обратиться к общеизвестной терминологии и назвать его «растворением» или «преодолением» эго.

Подобная дисциплина широко распространена и хорошо известна почти во всех направлениях мистических и оккультных школ, особенно на Востоке. Каждая школа, конечно, предлагает собственную модификацию процесса, собственную метафизику и метапсихологию, объясняющую и оправдывающую путь «отречения от эго», каждое направление полагает свою технику наиболее эффективной, но в сущности речь идет об одном и том же. Ортодоксальная йога, тибетские учения калачакры, древние школы буддизма, даосизм, дзэн – все они провозглашают различные теории, как онтологические, так и психологические, декларируют различные цели своих дисциплин, но в отношении эго всегда единодушны и категоричны: эго – главное препятствие на пути духовной практики. Дон Хуан, владеющий знанием совершенно иной цивилизации, своими суждениями как бы еще раз подтверждает истинность этой идеи:

«Затем он заговорил о древнем человеке. Он сказал, что древний человек самым непосредственным и наилучшим образом знал, что делать и как делать что-либо. Но, выполняя все действия так хорошо, он начал развивать эгоизм, из-за чего у него возникла уверенность в том, что он может предвидеть и заранее намечать действия, которые он привык выполнять. Вот так появилось представление об индивидуальном «я», которое начало диктовать человеку характер и диапазон его действий... Современный человек, пожиная плоды этого процесса, в конечном счете обнаруживает, что безвозвратно

утратил связь с источником всего сущего и что ему под силу лишь насильственные и циничные действия, порожденные отчаянием и ведущие к саморазрушению...

<...> Битва для воина – это тотальная борьба против индивидуального «я», которое лишает человека его силы» (VIII).

Эго, или представление об отдельном, индивидуальном «я», порождает весь комплекс психологической деятельности современного индивидуума. Это истинный генератор мотивов и целей всей человеческой цивилизации. В первую очередь, эго понуждает личность к целенаправленной деятельности либо к отказу от деятельности, если для эго она не мотивирована. Поэтому одним из первых шагов в работе по преодолению власти эго является известная практика так называемого «незаинтересованного действия», т. е. практика совершения действий при полном безразличии к их «плодам» – поощрению, награде, удовлетворению каких бы то ни было ожиданий или амбиций, достижению цели.

Этот принцип усиленно пропагандируется еще в древней «Бхагавадгите», и с тех пор известен как «кшатрийская этика незаинтересованного действия».

Особое развитие он получил в карма-йоге, но используется практически во всех школах индо-буддистского мистицизма. Китайская мистическая доктрина тоже включает его в качестве важного элемента с древнейших времен.

Помните, как писал Чжуан-цзы? «Правда мира в том, чтобы быть возвышенным без горделивых дум, воспитывать себя, не думая о гуманности и справедливости, править, не имея заслуг и славы...» Дон Хуан также обучал этому принципу своих учеников и называл его «действием ради действия».

Действие ради результата – это стереотип, выработанный аппаратом эго.

Действие без результата – это разрушение стереотипа. Эго вообще является кладезем всех и всяческих шаблонов восприятия и действия, гарантируя неизменность мира и монотонность переживаний. Как пишет Чогьям Трунгпа, «мы пользуемся привычными стереотипами, чтобы изолировать себя и изобразить в лучшем виде». И дальше: «Привычные стереотипы позволяют вам видеть перед собою лишь на три шага вперед. Вы всегда смотрите на землю, никогда не взглянете вверх, на синее небо или горные вершины. Вам

не дано улыбнуться при виде тумана, поднимающегося над ледниками. Практически вас приводит в замешательство все, что находится выше головы – там нет для вас ничего интересного». Отбрасывая действие ради плодов и культивируя действие ради действия, мы обретаем неожиданную широту восприятия и начинаем переживать мир в большем объеме. Бескорыстное внимание замечает красоту бытия, возвращая ему первозданную яркость и насыщенность.

Результат безупречности – это, собственно говоря, анатман, т. е. отсутствие «я», как это состояние именуется в некоторых школах буддизма.

Мы проводим последовательную работу по отключению механизмов эго, мы делаем эго все более тонкой и гибкой структурой, мы сокращаем его притязания до нуля и неожиданно открываем, что в самой сердцевине нашего существа, кроме центра восприятия, вообще ничего нет. Буддисты говорят, что находят в себе «пустоту». Это необыкновенное чувство не имеет ничего общего с эмоциональным оцепенением или абсолютным безразличием.

Эта «пустота» удивительным образом оказывается более полной, чем наша обычная эгоистическая суета. Полноценное восприятие и яркое переживание буквально врываются в открывшееся пространство. В большей, чем когда-либо, степени мы оказываемся способны чувствовать, и сложный комплекс «чувствований» воина частично описан самим Кастанедой в его поздних книгах. Легкость и подвижность психики дают ни с чем не сравнимое ощущение освобожденности, воспринимаемый мир как бы проясняется, все становится прозрачнее, отчего кажется, будто нас стало больше, и мы проникаем в окружающую Реальность шире и глубже. Все обострено до предела, и явным делается неразделимое чувство обретения и разлуки, полноты и пустоты, единства с потоком жизни и одиночества.

Печаль и радость – неперенные спутники этого нового состояния. Новая печаль и новая радость, прежде незнакомые, они приходят в жизнь воина, подтверждая значительность пройденного пути, ибо много обретено и много оставлено. Он уже не совсем человек или, можно сказать, он уже слишком человек – в зависимости от того, где мы помещаем точку отсчета.

Все эти странные чувства невыразимы и необъяснимы для тоналя. Он лишь свидетельствует некое превращение, сути которого ему не постичь. В мире нагуаля видящий может воспринимать изменение энергетической формы такого существа. Точка сборки у безупречного воина находится несколько глубже, она лишена жесткой фиксации на поверхности светящегося кокона и собирает воспринимаемые эманации внутри волокнистой массы энергетического света.

Столь необычные субъективные переживания связаны, видимо, с расширением зоны перцепции и соответственным изменением в качестве энергообмена между внутренними и внешними эманациями. Преимущества такого положения точки сборки очевидны – отсюда она может с легкостью изменять свою позицию, так как уже не связана привычной фиксацией, вырабатывавшейся на протяжении всей предыдущей жизни.

Такое понимание перцептивного механизма объясняет, наконец, почему безупречность сама по себе может вызывать изменения в режиме восприятия.

Удивительный факт! Не используя никаких медитативных приемов, специальных психотехник, следуя только последовательной дисциплине по изменению отношений между личностью и окружающим ее миром, мы спонтанно входим в сферу «магического» видения и открываем для себя состояния, обычно относимые к области парапсихологии. Примеры подобных явлений, прежде необъяснимых, можно найти во множестве известных ситуаций, когда человек в силу религиозных убеждений или жизненных испытаний начинал неосознанно применять элементы безупречности в повседневной жизни.

Итак, обретение безупречности достигается благодаря преодолению эго.

Каким образом эго манифестирует себя в наших ежедневных переживаниях? Что наиболее характерно в нашем реагировании на мир отражает природу эго и работу его механизма? Именно это становится предметом выяснения при проведении воином *стратегической инвентаризации*, о которой мы сказали выше.

Первейшая функция эго – это *забота о выживании* существа как уникальной психофизиологической и социальной

единицы. Знание дона Хуана сообщает нам, что основными плодами такой заботы в психологии индивида оказываются *страх* и *чувство собственной важности*. И то и другое вполне способно довести личность до крайнего энергетического истощения, так как почти постоянно имеет почву для своего проявления. Когда мы говорим о страхе, то имеем в виду прежде всего *страх смерти*. Ниже читатель сможет убедиться в реальных масштабах этого чувства, которое распространяется не только на непосредственную угрозу гибели, но и на значительную область повседневной жизни. Подобным же «айсбергом» является и чувство собственной важности. Те явные всплески, что мы обычно замечаем, – лишь крохотная часть его подлинного присутствия в нас.

Обратной стороной вышеназванных продуктов это неминуемо оказывается жалость к себе. Как результат эгоистической рефлексии, она постоянно настигает нас в случае фрустрации, когда работа эго в области самосохранения подвергается угрозе или не достигает желаемого.

Кроме того, отдельное явление в процессе рефлексии представляет *потакание себе* (как его называют изобретательные переводчики Кастанеды на русский язык, «индальгирование» – от англ. слова *indulge*). Это общая способность человеческой психики искусственно затягивать, продлевать любое переживание, будь то приятное или неприятное. *Потакание себе* можно назвать своеобразной психической реверберацией, когда испытанное раз чувство благодаря многократному отражению в механизме эго гулким эхом блуждает во внутреннем мире личности, требуя огромного количества психической энергии, которая уходит в пустоту. Каждый из нас прекрасно знает, что такое «индальгировать» или потакать себе. Иногда мы способны удерживать какое-то чувство в себе годами – например, обиду, раздражение или злость. Дон-хуановский воин не может позволить себе такой роскоши.

Любое потакание себе в данной дисциплине совершенно исключено как необоснованное и вредное растрачивание сил, необходимых для неуклонного продвижения вперед.

Следующий раздел мы посвятили рассмотрению трех самых серьезных препятствий на пути к безупречности – страху смерти, чувству собственной важности и жалости к себе.

2. Фундамент безупречности: три победы воина

а) Страх смерти

*Живя,
Будь мертв,
Будь совершенно мертв
И делай все, что хочешь,
Все будет хорошо.*

Бунан

Когда речь заходит о страхе смерти, мы нередко сталкиваемся с заявлениями такого рода: «Я смерти не боюсь». Человек, утверждающий подобные вещи, очень часто бывает совершенно искренен и не надо обвинять его в легкомыслии или браваде. Обычно мы имеем дело просто с неточным пониманием сути этого выражения, с представлением о смерти как физическом факте – агонии тела и последующем провале в небытие (во всяком случае, для атеистически воспитанного сознания). Только внимательно рассмотрев всю объемную психологическую подоплеку смерти как явления бытия, мы начинаем понимать, что страх смерти есть один из важнейших детерминаторов человеческого поведения.

Будучи фактом для обычного сознания неизбежным, смерть редко становится предметом серьезных раздумий или насущной озабоченности – какой резон страшиться того, что неминуемо произойдет рано или поздно, независимо от нашего отношения и степени нашей осмысленности этого? Так рассуждает почти всякий, и страх смерти совершенно естественным образом уходит в подсознательное, скрывается за целым комплексом защитных механизмов и реакций, уходит так глубоко, что личность искренне погружается в утешительную иллюзию: страх смерти побежден, для меня он больше не существует. У интеллектуалов такое заблуждение приобретает особенно рафинированный вид – познакомившись с идеями объективного идеализма и целым рядом подобных в этом отношении философских доктрин, а иногда восприняв умозрительно религиозные учения, где смерть всегда есть особо важный момент, рассматриваемый с пристальным вниманием, они находят там для себя приемлемые, успокоительные воззрения (творческие натуры, кроме того, могут создать свои собственные) и выстраивают в уме *миф о смерти* и *миф о себе*.

Каким же образом происходит разоблачение страха смерти? Во-первых, следует показать, что страх смерти – вовсе не игрушка, а одно из важнейших препятствий на пути духовного знания, а для этого его надо извлечь из подсознательного и раскрыть все многообразие масок, надеваемых этим чувством, когда оно доминирует во внутреннем мире человека. Мы рассмотрим лишь важнейшие деформации страха смерти в сознании человека:

1. Первейшей и наиболее явной маской страха смерти является *страх одиночества*. Их связь в подсознательном настолько очевидна, что нет нужды останавливаться здесь подробно. Достаточно сказать, что, общаясь с себе подобными, мы так или иначе делимся с ними своим внутренним бытием, делая его как бы шире, и радуемся призрачному своему продолжению, отдавая другим часть своей энергии и получая соответственно от них – данный процесс носит обоюдный характер. Особое выражение страх одиночества получает в желании иметь детей, так как здесь обмен энергиями имеет исключительно сильный характер.
2. *Привязанность и любовь* – непосредственный и логический результат страха одиночества. Встречая личность наиболее подходящую нам в эмоциональном и психологическом плане (особенно в тех случаях, когда поиск был долгим и трудным), человек испытывает чувство чуть ли не экстазическое, – ярче всего это бывает в юности, когда социальные связи не устоялись, а уверенность в своих силах невысока, безудержная благодарность легко превращается в привязанность или дружбу (если личность одного с ним пола), либо в любовь (если личность противоположного пола). С такой точки зрения смерть и любовь действительно тесно связаны друг с другом, и психоанализ, достаточно много раскрывший в этой области, здесь как нигде близок к истине – если оставить в стороне мифические спекуляции вокруг либидо и танатоса.
3. Влечение к чувственным удовольствиям и впечатлениям, прежде всего, имеет весьма косвенное отношение к физиологическим потребностям организма. То, что чувственность, хотя и является результатом в первую очередь органической конституции физического существа, у человека служит главным образом средством защиты от

страха смерти, легко подтверждается обычным наблюдением: интенсивность чувственности часто сильно изменяется в сторону уменьшения, когда индивид находит другой предмет для сосредоточенного внимания, если тот с успехом может исполнять ту же роль (творчество, наука, бизнес и т. п.). То же касается и впечатлений – зрелища и путешествия превращаются в манию, если другие виды активности по какой-либо причине оказываются неудовлетворительными.

4. К иной группе метаморфоз страха смерти относится страх *потери времени*. Спешка и нетерпение, широко распространенные в современном обществе, обязаны своим возникновением глубоко скрываемому в подсознательном страху конца, страху перед ограниченностью существа во времени.
5. Отсюда рождается *страсть к деятельности*. Погружение в активность, которую нам не следует недооценивать, ибо она есть причина всего масштабного прогресса человечества, есть, тем не менее, все тот же страх смерти, который здесь, как и во многих других случаях, исполняет роль движущего импульса, порой весьма плодотворного, но имеющего источник пагубный и разрушительный.
6. *Воля к славе и борьба за лидерство* – наиболее отвлеченные в этом ряду. Они естественным образом вырастают из страсти к деятельности и влечения к чувственным удовольствиям (впечатлениям), которые мы уже упоминали. При вдумчивом анализе здесь легко найти и желание расширить себя на более долговечные явления (история, искусство и т. д.), и желание повысить собственную значимость, чтобы личная смерть индивидуума стала серьезным событием для продолжающих жить – еще одна защитная конструкция перед лицом страха смерти.
7. *Влечение к сексуальной активности*, которое фрейдистская школа ставит во главу угла всей своей психологической доктрины, есть лишь наиболее универсальное средство в ряду всех защитных конструкций. Потому оно и может показаться центральным или основополагающим. Ибо оно черпает силы из всех приведенных выше явлений, начиная со страха одиночества и заканчивая борьбой за лидерство. Конечно, следует помнить, что мы отвлекаемся

здесь от чисто физиологической стороны дела, так как сексуальность в чистом виде есть продукт биологической эволюции вида и только в мифологии человеческого сознания приобретает эту специфическую защитную функцию.

Мы не перечислили все проявления страха смерти, но сказанного уже достаточно для того, чтобы понять простую истину: *всякое сознание, не видоизмененное при помощи специальной дисциплины, несет в себе страх смерти, даже когда всячески его отрицает*. Перед тем как обратиться непосредственно к дисциплине, цель которой – устранение страха смерти, надо отметить следующее: страх смерти понуждает личность к действию, и потому в данной структуре мира выполняет исключительно важную роль.

Ординарное сознание, лишенное этого движителя, обречено на апатию, полное оскудение, психологический распад и бесцельное прозябание. Вот почему по мере исчезновения страха смерти в дисциплине дон Хуана заменяется другими, более адекватными ее целям стимулами.

Преодоление страха смерти требует немало времени и сил, но вполне достижимо. Дон Хуан предлагает Кастанеде целый ряд приемов, помогающих в этой работе, – приемов, демонстрирующих прекрасное понимание парадоксальности человеческой психологии, ничуть не уступающее по своей глубине пониманию древних мудрецов Востока. Прежде всего, дон Хуан как бы «выворачивает наизнанку» отношение к смерти вообще.

«Нет, – сказал он убежденно. – Смерть не является врагом, хотя и кажется им. Смерть не разрушает нас, хотя мы и думаем, что это так.

– Но если она не является нашим разрушителем, тогда что же она такое? – спросил я.

– Маги говорят, что смерть является единственным стоящим противником, который у нас есть, – ответил он. – Смерть – это вызов для нас. Мы все рождены, чтобы принять этот вызов, – и обычные люди, и маги. Маги знают об этом, обычные люди – нет.

– Лично я думаю, дон Хуан, что жизнь, а не смерть является вызовом.

– Жизнь – это процесс, посредством которого смерть бросает нам вызов, – сказал он. – Смерть является действующей силой, жизнь – это арена действия. И всякий раз на этой арене только двое противников – сам человек и его смерть.

– Я предпочел бы думать, дон Хуан, что именно мы, человеческие существа, являемся теми, кто бросает вызов, – сказал я.

– Вовсе нет, – возразил дон Хуан. – Мы пассивны. Подумай об этом. Мы действуем только тогда, когда чувствуем давление смерти. Смерть задает темп для наших поступков и чувств и неутомимо подталкивает нас до тех пор, пока не разрушит нас и не выиграет этот поединок или же пока мы не совершим невозможное и не победим смерть.

Маги побеждают смерть, и смерть признает поражение, позволяя магам стать свободными и навсегда избежать нового вызова» (VIII).

Из далекой и непостижимой силы, внушающей только смиренный ужас, смерть в учении дона Хуана превращается в равноправного партнера, противника, с которым можно вступить в поединок и даже победить его. Более того, как основной побудитель к действию, смерть оказывается совершенно необходимой идеей в жизни воина. Она не является более просто неизбежным горем, она способствует продвижению воина по пути и вызывает, таким образом, не столько страх, сколько признательное уважение. И наоборот – идея бессмертия, полюбившаяся религиозным учениям и дающая ложное чувство безопасности, по дону Хуану, – вредное и губительное представление.

«Идея смерти является колоссально важной в жизни магов, – продолжал дон Хуан. – Я привел тебе неисчислимые аргументы относительно смерти, чтобы убедить тебя в том, что знание о постоянно угрожающем нам неизбежном конце и является тем, что дает нам трезвость. Самой дорогостоящей ошибкой обычных людей является потакание ощущению, что мы бессмертны, как будто если мы не будем размышлять о собственной смерти, то сможем избежать ее.

<...> Без ясного взгляда на смерть нет ни порядка, ни трезвости ума, ни красоты. Маги борются за достижение очень важного понимания: у них нет ни малейшей уверенности, что их жизнь продлится дольше этого мгновения. <...>

– Да, – продолжал он, – мысль о смерти – это единственное, что может придать магу мужество. Странно, правда? Она дает магу мужество быть искусным без самомнения, но самое главное – она дает ему мужество быть безжалостным без чувства собственной важности» (VIII).

Действительно, странно. Благая весть о спасении бессмертной души, выходит, нужна только тем, кто ищет на этой земле убежища, кто бежит в страхе от смерти и спасается сладкими грезами о всеблагое Господе, Чьею Силою он будет избавлен от небытия. Устранение страха смерти через ее отрицание (что достаточно популярно как в мировых религиях, так и в ряде мистических школ всех направлений), по дону Хуану, – просто глупость.

Во-первых, это обманчивая мечта, во-вторых – красивая обертка, скрывающая горькую пилюлю нашего человеческого бессилия. Смерть как решающий факт существования должна быть почтительно признана, и только так достигается подлинное бесстрашие, высокий покой перед лицом надвигающейся бездны. Быть может, такая позиция для большинства людей просто невыносима.

«Когда воина начинают одолевать сомнения и страхи, он думает о своей смерти.

– Это еще труднее, дон Хуан. Для большинства людей смерть – это что-то неясное и далекое. Мы никогда всерьез не думаем о ней.

– Почему?

– А зачем?

– Зачем? Потому что идея смерти – единственное, что способно закалить наш дух» (II).

Собственно говоря, это известный психологический факт, чем меньше мы думаем о смерти, тем больше боимся ее. Именно страх заставляет нас не думать о смерти, считать ее «чем-то неясным и далеким», хоть подсознательно мы знаем, что это неправда. Смерть – штука достаточно близкая и предельно конкретная в своих ужасных симптомах. Но как превратить эту идею в определенное, постоянное, более того – позитивное чувство? Непостижимость любого волевого акта останавливает нас и погружает в недоумение.

«Дон Хуан всегда говорил, что единственным средством, сдерживающим отчаяние, является осознание смерти как клю-

ча к магической схеме существования. Он утверждал, что осознание нашей смерти является единственной вещью, которая даст нам силу вынести тяжесть и боль нашей жизни и боязни неизвестного. Но он никогда не говорил мне, как вывести это осознание на передний план. Каждый раз, когда я просил его об этом, он настаивал, что единственно важным фактором является волевой акт, – иначе говоря, я должен принять решение сделать это осознание свидетелем своих действий» (V).

Значительную помощь в совершении подобного волевого акта может оказать максимальное приближение факта смерти к чувственному его переживанию.

Например, Мирра Ришар, духовная сподвижница Шри Ауробиндо (известная среди последователей под именем «Мать»), сказала по этому поводу: «Одно из самых сильных средств для преодоления страха – решительно обратиться лицом к тому, чего вы боитесь. Вы оказываетесь лицом к лицу с опасностью и больше не боитесь ее. Страх исчезает. Этот способ рекомендуется с йогической точки зрения, с точки зрения дисциплины. В древних обрядах инициации, особенно в Египте, чтобы практиковать оккультизм, как я рассказывала вам в прошлый раз, необходимо было полностью избавиться от страха смерти. Один из методов, который практиковали в те времена, заключался в том, что неопита укладывали в саркофаг на несколько дней, словно он умер.

Разумеется, его не оставляли умирать от жажды или удушья, он просто лежал там, как мертвый. Считалось, что это избавит от всех страхов»*.

Проблески этого важного понимания довольно часто посещали Карлоса, так что он зря расстраивается, думая, что не получил от дон Хуана достаточных инструкций. Понимание превращается в чувство всякий раз, когда смерть *действительно* кажется нам близкой и неизбежной. Даже простенькая песенка может в подобной ситуации вызвать подлинное переживание, как это случилось с Кастанедой, которого дон Хуан и дон Хенаро привели на ужасающее randevu с древними видящими:

«Услышав, как они (дон Хуан и дон Хенаро. – А. К.) расппевают слова, которые я всегда считал сентиментальной де-

* Мать. Собрание сочинений. Т. 6, с. 50.

шевкой, я вдруг подумал, что постиг дух воина. Дон Хуан намертво вбил в меня формулу: воин всегда живет бок о бок со смертью. Воин знает, что смерть – всегда рядом, и из этого знания черпает мужество для встречи с чем угодно. Смерть – худшее из всего, что может с нами случиться. Но поскольку смерть – наша судьба, и она неизбежна, мы – свободны. Тому, кто все потерял, нечего бояться.

Я подошел к дону Хуану и Хенаро и обнял их, чтобы выразить бесконечную благодарность и восхищение» (VII).

И Чогьям Трунгпа пишет о том же: «Трусость – это попытка прожить жизнь так, как если бы смерть совсем не существовала».

С точки зрения психологии можно утверждать, что страх смерти – источник большей части всех видов страха, знакомых человеку. Рефлексивная природа нашего ума на этой почве создает любопытную разновидность потакания себе – страх страха. Таким образом, даже когда мы не испытываем страха самого по себе, нас преследует *ожидание страха*, которое уже есть страх, и выбраться из этого порочного круга нет никакой возможности. Страх постоянен и вездесущ.

«Мы предпочитаем прятаться в джунглях и пещерах своей личности. Когда мы таким образом прячемся от мира, мы чувствуем себя в безопасности. Мы можем полагать, что успокоили свой страх, но на самом деле мы заставили себя онеметь от страха... Мы так опасаемся собственного страха, что омертвляем свое сердце.

Путь трусости состоит в том, чтобы прочно заключить себя в кокон, в котором мы увековечиваем свои привычные стереотипы. Когда мы постоянно воссоздаем основные стереотипы поведения и мышления, у нас никогда не возникнет желание вырваться на свежий воздух, встать на новую почву»*.

Как видите, страх, кроме всего, является мощной фиксирующей силой.

Если вспомнить, что обязательным условием сдвига точки сборки является возникновение *новых привычек* (т. е. изменение всех стереотипов поведения и мышления), то станет ясно, почему страх парализует всякое движение по пути воина. Нагуаль открывается только в моменты абсолютного

* Чогьям Трунгпа. Шамбала: священный путь воина.

бесстрашия, что есть, по сути, готовность умереть в любой момент без трепета и сожаления о себе.

«Скажем так, основным правилом для тебя должна быть готовность к смерти, когда ты приходишь встречаться со мной, – сказал он. – Если ты приходишь сюда, готовый умереть, то не будет никаких ловушек, неприятных сюрпризов и ненужных поступков. Все должно мягко укладываться на свое место, потому что ты не ожидаешь ничего» (IV).

Более того, готовность к смерти в дисциплине дона Хуана настолько абсолютна, что переходит в качественно новое состояние, когда воин *уже считает себя мертвым*.

«Видишь ли, воин рассматривает себя как бы уже мертвым, поэтому ему нечего терять. Самое худшее с ним уже случилось, поэтому он ясен и спокоен» (IV).

Не правда ли, очень яркая и доступная иллюстрация к абстрактной концепции *анатмана* (отсутствие «я»), провозглашенной буддизмом? Сила учения дона Хуана как раз и заключается в этой удивительной конкретности подхода, когда безо всяких теоретических рассуждений само *чувство* непосредственно поражает сознание и тем самым интенсивно трансформирует его. «Символическая смерть» мага, о которой дон Хуан как-то рассказал Кастанеде, вспоминая годы своего ученичества в молодости, есть не что иное, как жизненная реализация вышеприведенной метафоры. Если хоть раз столкнулся с полным крушением всех надежд и всякого смысла эгоистического существования, то можешь «рассматривать себя мертвым» с достаточным основанием, опираясь на реально пережитый опыт.

Конечно, на самом деле все не так просто. Это обладает удивительной живучестью и «воскресает» при малейшей возможности, потому проблема воина состоит прежде всего в концентрации внимания на достигнутом чувстве, в постоянном укреплении и стабилизации его. Всякая жизненная ситуация должна служить напоминанием об этом важном опыте, и с этой целью дон Хуан вводит идею «смерти-советчицы». Уже на ранних этапах обучения он предлагает Кастанеде прочно усвоить новый стереотип поведения и мышления в отношении к смерти. Простой, но эффективный прием заключается в визуализации смерти как тени, неотступно сопровождающей человека немного позади его левого плеча.